

КЛЯТВУ
ВЕРНОСТИ
СДЕРЖАЛИ

1812г.

«Клятву верности сдержали»: 1812 год в русской литературе //Московский рабочий, Москва, 1987
FB2: Isais <isais2005@yandex.ru >, 28 September 2012, version 1.0
UUID: D40E7391-E78F-49A9-9D17-0B2900313327
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Андрей Ефимович Зарин

Первый партизан

Рассказ о первом партизane Отечественной войны.

Андрей Ефимович Зарин

Первый партизан

(Достоверная история)

Когда разговор заходит о партизанах[1], то весьма многие первым партизаном именуют генерала Винценроде, другие — Давыдова, а мало сведущие люди называют и Фигнера, и Сеславина, и Орлова-Денисова, и Дорохова. Нет и слов, что все они были храбрые воины и лихие партизаны. Генерала Винценроде истинно Барклай-де-Толли послал в Смоленскую губернию на поиски, а отчаянный Давыдов первый предложил светлейшему князю Кутузову образовать партизанские отряды, но все же первыми партизанами были не они.

Таковым был не кто иной, как рядовой Новороссийского драгунского полка, старый солдат Ермолай Васильев.

Достоверная история его ведома мне потому, что его эскадронный командир, ныне генерал-майор Анисий Егорович Астахов, был большим моим приятелем.

По его словам я и записываю эту примечательную историю.

В той же самой битве нашей дивизии с Мюратом[2] первая атака его была устремле-

на на наше левое крыло, где стояли пушки и кавалерия, казаки и Новороссийские драгуны. В первой же сшибке наши не могли выдержать такого бурного натиска и рассеялись. Часть наших добрых казаков и драгун была убита или ранена, и вот в числе раненых свалился с коня и этот самый Ермолай Васильев.

Рану он получил, можно сказать, пустую: неприятельская сабля скользнула по его киверу и рассекла плечо, а пистолетная пуля пробила руку. Ко всему, когда он падал, надо быть, его зашибла лошадь, и он потерял сознание.

Очнулся он совсем уже на рассвете от утренней зари. Осмотрелся кругом. Поле чистое, наших не видно, а французы из Красно-го идут тучами, словно комары над болотом. По полю то здесь, то там убитые кони и люди лежат.

Ермолай Васильев — старый служака. Еще с Суворовым походы делал, а потому тотчас сообразил, что ему делать надо.

Не подымаясь на ноги, чтобы его ненароком неприятель не увидел, он пополз в сторо-

ну, дальше да дальше. Дополз до ручейка, выпил воды, раны обмыл, рубашкой перевязал и памяти лишился.

После он говорил об этом:

— Оно и лучше, потому как лежишь без памяти, так тебе и есть не хочется; а без еды я почитай трое суток был.

Он говорит — трое суток, а может, и больше.

Очнулся он, когда солнце садиться стало. Очнулся и поплелся дальше, все в сторону. Куда идет, и сам не знает.

По дороге речка ему попалась, перебрался через нее; добрал до леса, разложил костер, трубку выкурил и не то заснул, не то опять памяти лишился.

Очнулся от холода. Еще темно. Он опять побрел. На варе светло стало; он орехи нашел и поел; отдохнул и опять пошел.

Слышалось ему, будто пушки грохочут, из ружей будто палят, и не знал он, правда это или в бреду чудится. А в это время Наполеон у нас Смоленск брал.

Так и брел себе потихоньку Ермолай. Шел, шел — видит — большая река. Сообразил он,

что это, должно быть, Днепр, и пошел берегом. Наконец, обессилел, упал и совсем памяти лишился.

Сколько лежал Ермолай, и сам не знает; только, когда очнулся, видит: толпой стоят вокруг него мужики и кричат:

— Очнулся! Бей его, нехрестя! по башке его!

Один мужик уже и топор над ним поднял. Тут Ермолай собрал последние силы и успел сказать:

— Православные!..

Мужик опустил топор, а остальные опять загалдели.

— Бей! — чего тут. Врет он, собака.

Но мужик не послушался и нагнулся над Ермолаем.

— Ты кто? Француз?

— Что ты! — русский воин. За царя сражался... ранен, — прошептал Ермолай.

— А перекрестись!

Ермолай не имел силы перекреститься и только показал на грудь.

Мужик догадался и распахнул его мундир.

— Православный! — закричал он, — крест на ем!

Мужики опять загалдели, но теперь радостно.

— Подымай, ребята! — тащи! — услышал Ермолай и снова лишился чувств.

Очнулся он уже на лавке, в избе, разутый, без мундира, с перевязанными ранами.

Пожилая женщина подошла к нему и ласково дала ему напиток. Старик наклонился над ним и сказал:

— Лежи смирно и не говори, а то опять лихomanка затрясет.

Ермолай закрыл глаза и заснул.

Раны его были легкие, кровь здоровая, тело привычное. Выспался он, поел, опять заснул. Старик ему два раза в день повязки менял, какие-то травы прикладывал — и стал Ермолай поправляться.

Сошел с лавки, за стол сел, квас с хлебом хлебает. Совсем почти здоровый.

И тут он узнал и где он, и что случилось за все время от 2-го августа, когда он был ранен.

Сидел он на завалинке у избы, а крестьяне

окружали его тесным кругом и рассказывали наперебой.

Раненный, в бреду, голодный, он добрел до самого Дорогобужского уезда.

— Село Веселково господина Пафнутьева, Челновской волости, — сказал мужик, который хотел его топором зарубить, — сам-то господин Пафнутьев еще первого Спаса[3] в Тамбов уехал.

— А усадьбу, говорит, жгите, — сказал другой.

— Чтобы, значит, французу не досталось, — пояснил третий.

Ермолай только кивал головой.

Рассказали ему, как Наполеон брал Смоленск.

Войска-то нашего в Смоленске всего малая кучка была. Один генерал Раевский, да с ним генерал Паскевич. Они весь день 4-го августа бились.

Потом все наше войско пришло. Пришло, постояло и прочь ушло, а в городе только генералов Коновницына да Дохтурова оставили. Так наистаршой приказал.

— Балтай[4] этот самый! — с горечью ска-

зал Ермолай. — А потом что?

— Ушло это войско, а француз на Смоленск пошел. Господи, что было! Как начал палить из пушек. Будто гром. Земля дрожит. В городе-то все гореть начало. Тут нашу матушку царицу небесную взяли из собора и в Москву понесли. А за нею все. Идут, поют и плачут. А над городом огонь столбом. Ажно у нас тут светло было. Бились французы до ночи, а город не взяли. Тут и остальные войска ушли. Как есть под второе Спаса, а на самый праздник французы и вошли. Вот!

— И Смоленск взяли! — воскликнул горестно Ермолай. — Ну, а после?

— А чего после? — наше воинство все ушло. Слышь, Москву защищать, а француз теперича в Смоленске, и вся эта нечисть по всей губернии рыщет.

— Мы тебя-то за француза приняли, потому и порешить хотели, — сказал в заключение один из мужиков.

Горько было выслушать этот рассказ старому суворовскому солдату.

Вспомнил он, что покойный Суворов совсем не знал даже слова «отступить» и коман-

да его всегда была только «вперед».

Обидно было его русскому сердцу, что враги берут город за городом, неся войну в самое сердце России.

Вернулся он в избу, лег на давку и отвернулся лицом к стене.

«Глаза бы мои не смотрели, уши бы не слышали. Лучше бы я умер, нежели такой позор терпеть», — думал он, лежа на лавке, и всю ночь не сомкнул своих глаз.

Встал он утром хмурый, мрачный. Вышел на завалинку и молча свою трубку сосет. Вдруг по деревне толпа мужиков бежит и все к нему.

— Слушай-ка про окаянных! Гляди, что наделали! — раздались голоса.

Поглядел Ермолай. Стоят веселковские крестьяне, а между ними четверо чужих. Бледные, без шапок.

— Ты их послушай! Рассказывай, братцы! — снова закричали веселковские.

— Ну, что еще? Говорите! — сказал Ермолай. Мужики только всплеснули руками.

— Пришли к нам французы, — тонким голосом заговорил один мужик, — види-

мо-невидимо. Что-то лопочут, саблями машут, потом как бросятся по деревне! Кто корову взял, кто свинью, гусей, кур — все побрали. Хлеб в возы поклади и уехали, а деревню сожгли. Староста в амбар ключей не давал. За-рубали окаянные.

Потемнел Ермолай.

— Вы кто будете? Откуда?

— Суседи наши, — загалдели веселковские, — из Духовщинского уезда, Коноплянка деревня их.

— Куда же вы девались все?

— В лес ушли. Так сейчас в лесу и сидим. Пришли к суседям хлебушка просить. Не откажите, Христа ради! — поклонились они веселковским, а те в ответ:

— Не сумлевайтесь! Чем богаты. Все мы под богом ходим!

В это время бабы подняли вой.

— Мать пресвятая богородица! — придут нехристи и по наши животы! ой, беда, беда!

Тут-то и загорелся Ермолай. Встал с зава-лилки.

Брови нахмурил, глаза горят, рука в кулак сжалась, и заговорил он громким голосом:

— Ребята! братцы мои, али терпеть будете? — будете сидеть по избам да ждать, когда они, окаянные, придут, все добро унесут, да ваши избы спалят? — так, что ли?

Зашумели мужики, а Ермолай еще громче и сердитее:

— А потом в лес или в болото спрячетесь и будете, как зверье, жить? так, что ли?

Опять зашумели мужики.

— Не дадимся им! пуцай сунутся! Ты, дядя, научи нас! Не оставь нас, родимый! — раздались голоса.

— Так-то, ребятушки! — закричал Ермолай, и лицо его просветлело, — не дадимся ему! — а пока что станем его сами бить!

— Как его бить-то будешь. Он, вишь, и с саблей, и с ружьем!

Ермолай махнул рукой.

— А мы со сметкой! Они теперь везде рыщут. Где два, где три. Случится, заснут. Случится, от страха сабли побросают. Нам только не робеть да не зевать. Ну, кто со мной на француза? иди тот направо!..

Сразу на правую сторону побежали все, кто помоложе да посильнее. Мужиков семь-

десять собралось. Ермолай повеселел. Куда и боль пропала.

— Теперь я вас обучу и каждому оружие дам. Мы им покажем! — весело сказал он. — Только чур: слушать меня!

— Уж это известно! — крикнула в ответ его команда.

Ермолай прежде всего вооружил свое войско. Одним он дал вилы, а другим косы, которые велел привязать прямо к длинным жердям; кроме того, всем приказал иметь ножи и топоры. После этого он стал обучать своих воинов, а затем отрядил четверых в четыре разные стороны и велел им сторожить французов и, как только заметят, сейчас ему донести.

Было это 13-го августа. И наша армия, и французская уже находились подле Царева-Займища, а в Смоленске оставался только французский гарнизон с генералом. Этому генералу Наполеон приказал собрать как можно больше провианту, и каждый день во все стороны шли и ехали французские отряды, забирая по деревням и селам и хлеб, и муку, и овес, и сено, и скотину, и птицу. Словом, гра-

били.

Но еще хуже приходилось жителям от мародеров, которые теперь наполнили губернию и рыскали всюду. Это были отставшие от армии солдаты, которые не хотели воевать, но охотно разбойничали. Они шли следом за армией. После сражения они бросались на поле битвы и там грабили убитых и раненых. После ухода армии приходили в город и нападали на жителей. Бродили они и шайками, и по несколько человек, и в одиночку.

15-го августа прибежал к Ермолаю один из посланных и говорит:

— Француз идет! надо быть, что где-нибудь деревню ограбили. Три полных воза везут и голов 10 скота,

— А самих-то много? — спросил Ермолай.

— Самих, надо быть, душ 20; все пешком, а один на коне едет.

— Дорогу знаешь?

— Как же! тут сейчас лесом и они!

— Вали, ребята! — закричал Ермолай и повел свою дружину.

Лесом да кустарниками дошли они до дороги. Ермолай высмотрел неприятеля.

Действительно, отряд пехоты провожал обоз.

Ермолай разделил всех на три отряда и расставил их кучками друг от друга на 100 шагов.

Сам стал в середине и приказал:

— Никто с места не шевелись, пока я не нападу. А тогда кричи каждый во всю мочь и бей нехрестя. Никого не выпускай.

Французы беспечно двигались по дороге. Ружья для облегчения положили на возы, сами курят и болтают. Прошли они мимо первого отряда и только сравнялись со вторым, как на них с криком бросился Ермолай и его 20 человек. В тот же миг раздались оглушительные крики, и сзади, и спереди. Всю дорогу засыпали молодцы, и испуганным французам показалось, что на них напало целое войско. Засверкали страшные косы, замахали топоры, Ермолай бросился на офицера и одним ударом рассек ему голову. Все смешалось в кучу, а 10 минут спустя уже не было ни одного живого француза.

— Вот, ребята! — закричал Ермолай, — как с ними расправляться надоть. Кричите: ура!

— Ура! — закричали все, и было от чего.

Все сразу поняли, что теперь им французы не страшны.

— Ну, — сказал Ермолай, — а для начала снимайте с них все оружие: ружья, сумки, сабли, тесаки, пистолеты, все берите! и барабан тащите!..

Вся деревня высыпала навстречу победителям. Они шли весело, пели песни, и с ними ехали три воза со всяким добром.

Слух пошел об ермолаевской дружине и о деревне Беседковой.

На другой день прибежали в деревню мужики из соседнего села и взмолились:

— Братцы, пришли французы грабить. Заступитесь, родные!

Дружина Ермолая тотчас полетела на помощь.

На село напала шайка мародеров. Они разбежались по домам и дворам и предавались грабежу, когда на них напал Ермолай.

— Бей! коли! руби! — раздался крик, и испуганные разбойники, как зайцы, заметались во все стороны.

Ни один не ушел из села, и опять Ермолай

с дружиною забрали себе и ружья, и сабли.

Недели не проходило, чтобы Ермолай со своей дружиной не отбил обоза, не ухлопал бы 6–10 французов, и с каждой неделей отряд его увеличивался новыми и новыми воинами.

Раз пришли все мужики одной деревни.

— Баб к соседям увели. Возьми нас, милостивец, француза бить!

Всех брал Ермолай. Скоро у него образовался не отряд, а целое войско в 600 человек, и почти у всех уже были или ружья, или сабли, но с топором никто не расставался.

Ермолай разделил свое войско на 3 отряда по 200 человек и ходил с ним от Дорогобужа до самого Красного.

Французы стали бояться имени Ермолая.

Он стал подстерегать обозы и нападать на них.

По дороге через Красный в Смоленск, из Смоленска на Гжатск постоянно подвигались обозы, везя в главную армию то ружья, то патроны, то заряды для пушек и порох; скакали курьеры, везли почту.

Ермолай напал на эти обозы, ловил курьеров, останавливал почту.

Французам от него и его войска не было пощады.

Генерал в Смоленске назначил за голову Ермолая награду, но свои не выдавали его, а французам было трудно его поймать в лесных чащах, где он скрывался со своим войском.

Время шло. Наступил октябрь, и скоро показались убегающие из Москвы французы.[5] Быстро за ними двигались наши войска.

В отряде Милорадовича, который гнал неприятеля по пятам, находился Новороссийский драгунский полк.

29 октября эскадрон этого полка выехал на разведку, когда вдруг услышал впереди на дороге шум сражения. Он поскакал вперед, и перед ним открылась удивительная картина.

На большой отряд французов нападало какое-то неведомое войско. Стреляли из пушек, люди в простых тулупах махали саблями и бежали на французов, какой-то воин, сидя на коне, командовал всеми.

Офицер остановился.

Французы бросили оружие и упали на колена.

Битва прекратилась.

Тогда офицер подъехал к начальнику, чтобы узнать, кто он, и вдруг с изумлением воскликнул:

— Ермолай Васильев!

Ермолай взглянул и сразу узнал своего ротного командира. Он выпрямился в седле и быстро ответил:

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Что ты здесь делаешь? это кто?

— Войско православное, а я командир! — с гордостью ответил Ермолай.

Офицер стал его расспрашивать. Храбрые воины из крестьян тесным кольцом окружили Ермолая и офицера. Ермолай рассказал всю свою историю от момента, как упал с лошади, получив две раны.

— Теперь у меня войска 600 человек, — окончил он рассказ, — за это время мы уничтожили 800 французов, 1400 взяли в плен, захватили оружия всякого уйму, 200 зарядных ящичков, 6 орудий, а фуража столько, что и сами сыты, и всех голодных кормим.

Изумился офицер его подвигам, но сказал:
— Все же я должен тебя взять и полковому командиру представить.

Ермолай только кивнул:

— Служба. Дело известное! я, ваше высокоблагородие, от службы не бегу!

В его войске поднялся ропот, но он обернулся к ним и сказал:

— Братцы мои! я присягу давал. Теперя, как я свой полк нашел, я уж не командир вам. Выберите себе, который смышленный, и бейте врага, а меня лихом не поминайте!

— Отец наш, родной наш! — раздались крики. Офицер отвернулся и вытер слезу.

— Едем, Ермолай!

— Будьте счастливы! французу спуску не давайте! — крикнул Ермолай и поскакал следом за офицером.

Офицер доложил об Ермолае полковому командиру. Тот с изумлением выслушал рассказ и доложил об Ермолае Милорадовичу, а Милорадович отправил его к самому Кутузову.

Ермолай Васильев был пожалован Георгием, награжден деньгами и произведен в вах-

мистры.

Новороссийский полк им гордился за все время своих походов.

Так вот...

Ежели вас кто спросит, кто был первым партизаном в войну 1812 года, прямо отвечайте:

— Ермолай Васильев, рядовой солдат Новороссийского драгунского полка.

Примечания

Партизанами наз. люди, воевавшие с неприятелями в одиночку или отрядами, помимо главной армии и общей команды, за свой риск. Отряды партизан были и из военных, как отряды Давыдова, Сеславина и друг., и просто из крестьян. Они действовали внезапными нападениями из засады, нападали на отставших солдат, на обозы и причиняли очень много беспокойства и вреда отсыпавшему неприятелю. (Примеч. А. Зарина.)

[^^^]

См. рассказ «Федька-Звонарь». (Примеч. А. Зарина.)

[^^^]

3

Первый или медовый Спас — народное название православного праздника, отмечается 1 (14) августа.

[^^^]

4

Солдаты в насмешку прозвали Барк-
лая-де-Толли — «Балтай да и только». (*При-
меч. А.Зарина.*)

[^^^]

5

Выступление французской армии из Москвы началось в ночь на 7 октября 1812 г.

[^^^]